

КЛАССИЧЕСКИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080037869-2

НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ ПЕЩЕР АРЧЖАЯ В ОРДОСЕ:
КРАТКИЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

© 2026

Н.Д. ЦЫРЕНОВА ^a, Ч.Ц. ЦЫРЕНОВ ^b^{a, b} – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
СО РАН, Улан-Удэ, Россия^a – ORCID: 0000-0001-9578-5493; nomin_n@mail.ru^b – ORCID: 0000-0002-1088-0625; chts17@mail.ru

Резюме: В статье представлены результаты историографического анализа китайских исследований, посвященных малоизвестному в мировой науке комплексу Арчжайских пещер (кит. 阿尔寨石窟), расположенных в хошуне Отог Автономного района Внутренняя Монголия КНР. Комплекс состоит из нескольких десятков искусственных пещер, высеченных в массиве красного песчаника. Сюжеты настенных картин обнаруживают большое сходство с историческими событиями раннего периода Монгольской империи эпохи третьего тангутского похода Чингисхана (1226–1227 гг.). В частности, китайские историки связывают сюжеты трех пещер (пещера № 10 и настенные росписи в пещерах № 28 и № 31) с данными, изложенными в таких письменных памятниках, как «Сокровенное сказание монголов» (кит. Юань-чао ми-ши 元朝秘史), «Хэй Да ши люэ 黑鞑事略» Пэн Да-я (?–1245, эпоха Южной Сун) и Сюй Тина (?–?, эпоха Южной Сун) и «Цао му цзы 草木子» («Мастер [измеряющий дни] травинками и [годы] деревянными щепками») Е Цзыци (1327–1390). Сравнительный анализ сведений и артефактов комплекса Арчжай, а также сюжетов из китайских первоисточников позволяют сделать вывод о высокой научной ценности пещерного комплекса Арчжай как предполагаемого места отдыха и излечения Чингис-хана во время тангутского похода 1226–1227 гг. в контексте раннего периода рецепции буддизма в монгольской империи и ранних этапов сакрализации образа Чингис-хана в монгольской политической культуре.

Сделан вывод о том, что комплекс пещер Арчжай является единственным известным на сегодняшний день материальным объектом, где возможно наблюдение в динамике процесса превращения исторического персонажа в сакральный символ, а исторического события – в мифологему, лежащую в основе национальной и религиозной идентичности.

Ключевые слова: Чингис-хан, Ордос, Арчжайские пещеры, Монгольская империя, погребальный обряд, артефакты, настенная роспись, историческая память

Для цитирования: Цыренова Н.Д., Цыренов Ч.Ц. Настенная живопись пещер Арчжая в Ордосе: краткий анализ китайской историографии. *Восток (Oriens)*. 2026. № 4. С. 27–36. DOI: 10.31696/S086919080037869-2

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Наследие Великой Монгольской империи и средневековых монголов в исторической памяти народов Внутренней Азии» (№ 23-78-10139), <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

WALL PAINTINGS OF THE ARZHAI CAVES IN ORDOS: A BRIEF ANALYSIS OF CHINESE HISTORIOGRAPHY²

© 2026

Nomin D. TSYRENOVA ^a, Chingis Ts. TSYRENOV ^b

^{a, b} – Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan
Studies, SB RAS, Ulan-Ude, Russia

^a – ORCID: 0000-0001-9578-5493; nomin_n@mail.ru

^b – ORCID: 0000-0002-1088-0625; chts17@mail.ru

Abstract: *The article presents outcomes from an in-depth historiographical examination of recent Chinese studies on the Arzhai Cave complex (Ch. 阿尔寨石窟), a relatively obscure site in international scholarship, located in Otog Banner, IMAR, PRC. This ensemble includes several dozen artificial caves excavated from a red sandstone formation. Motifs in the mural paintings exhibit strong resemblances to occurrences during the nascent Mongol Empire amid Chinggis Khan's second Tangut expedition (1226–1227). Notably, Chinese researchers associate the scenes in 3 caves (Cave No. 10, plus murals in Caves No. 28 and 31) with narratives from primary texts such as the Secret History of the Yuan Dynasty, the Brief Account of the Black Tatars (Ch. 黑鞑事略) by Peng Daya (?–1245) and Xu Ting (?–?), and Ye Ziqi's (1327–1390) Caomu zi (草木子). Through integrated comparative iconographic, ethnographic, and toponymic scrutiny of the caves' historical and cultural elements, motifs, and artifacts – juxtaposed with Chinese source materials – the analysis affirms Arzhai's profound academic and artistic significance as the likely location for Chinggis Khan's rest and recuperation in the 1226–1227 Tangut campaign, framed by the early adoption of Buddhism in the Mongol Empire and the formative sacralization of Chinggis Khan within Mongol traditions.*

It is determined that the Arzhai caves represent the sole extant tangible relic permitting observation of the evolving process whereby a historical individual becomes a holy emblem, and a real event morphs into a mythologeme central to national and religious self-conception.

Keywords: Chinggis Khan, Ordos, Arzhai Caves, Mongol Empire, funerary rite, artifacts, wall painting, historical memory

For citation: Tsyrenova N.D., Tsyrenov Ch.Ts. Wall Paintings of the Arzhai Caves in Ordos: a Brief Analysis of Chinese Historiography. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 4. Pp. 27–36. DOI: 10.31696/S086919080037869-2

Сакрализация образа Чингис-хана и формирование исторической памяти о нем на территории Внутренней Монголии КНР нашли свое отражение в многочисленных мемориальных комплексах и общественных пространствах. Наиболее репрезентативными из них являются Ордосский мавзолей, функционирующий как официальный центр коммемораций, почитания, парк-площадь имени Чингис-хана в г. Хулунбуир [Цыренова, Цыренов, 2024; 2025], одноименные площади в г. Хух-хото и г. Улан-хото (Хингане), а также специализированные музеи³ и храм Чингис-хана⁴. Эти объекты, будучи важными элементами со-

² The research was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the project “The Legacy of the Great Mongol Empire and the Medieval Mongols in the Historical Memory of the Peoples of Inner Asia” (No. 23-78-10139), <https://rscf.ru/project/23-78-10139/>.

³ Музей Чингис-хана в г. Хух-хото, музей в г. Ухай.

⁴ Храм находится в г. Улан-хото – городской уезд аймака Хинган автономного района Внутренняя Монголия.

временной национальной политики и туристической инфраструктуры, представляют собой, как правило, поздние кенотафы и символические конструкции, возведенные в XX–XXI вв.

На этом фоне особое значение приобретают памятники, претендующие на непосредственную связь с событиями жизни и смерти основателя Монгольской империи. К их числу относятся песчаниковые пещеры Арчжая (*кит.* 阿尔寨石窟, хошун Отог), расположенные в западной части Ордосского плато. На русский язык топоним Арчжай можно перевести как «высокий кряж». В отличие от вышеупомянутых мемориалов, Арчжай представляет собой буддийский пещерный монастырский комплекс с длительной историей. Его основание относится к периоду Северной Вэй (IV–VI вв.), а расцвет приходится на эпоху тангутского государства Си Ся (X–XIII вв.) [Ли, 2016]. Однако в китайской региональной историографии и популярной литературе комплекс устойчиво связывается с жизнью Чингис-хана – его ранением во время охоты, лечением и, возможно, погребальными ритуалами.

В связи с этим возникает научная проблема, лежащая на стыке истории, археологии и искусствоведения: в какой степени материальные свидетельства, сохранившиеся в пещерах Арчжая (в первую очередь настенные росписи), могут быть интерпретированы как аутентичные источники по истории Монгольской империи 1226–1227 гг., а в какой – как результат более поздних сакрализационных процессов. Несмотря на многолетние исследования китайских специалистов и публикацию ряда материалов, комплексного анализа настенной живописи Арчжая в контексте письменных источников (таких как «Сокровенное сказание монголов», записки Пэн Дая и Сюй Тина, энциклопедический трактат «Цао му цзы» Е Цзыци), остается целый ряд дискуссионных вопросов, что во многом актуализирует важность данной проблемы в мировой востоковедной науке. В российской исторической науке исследований по пещерам Арчжай до сих пор не проводилось. Целью настоящей статьи является историографический анализ китайских научных работ, посвященных пещере № 10 и стенописным композициям в пещерах № 28 и № 31 Арчжайского комплекса, а также их интерпретация в контексте письменных свидетельств китайских и монгольских сочинений, связанных с разными периодами жизни Чингис-хана.

Ввиду отсутствия упоминаний в письменных источниках пещерный комплекс Арчжай долгое время оставался неизвестным научному сообществу. После его обнаружения в 1980-х годах специалистами в области охраны памятников истории и культуры были проведены многочисленные археологические исследования и реставрационные работы. В 2003 году пещерный комплекс Арчжай был включен в список памятников культурного наследия, охраняемых на государственном уровне. Результаты многолетних исследований позволили в целом уточнить датировку памятника. Однако многие вопросы, касающиеся истории его строительства и идентификации создателей, остаются открытыми, что представляет собой главную загадку комплекса Арчжай.

Специальные исследования пещерного храма Арчжай активно проводились лишь в последние 30–40 лет. Ученые главным образом изучают форму пещер, особенности архитектуры, настенные росписи на уйгуро-монгольской письменности, историю Монголии, историю буддизма, местные легенды и достигли ряда результатов. Историк Тянь Гуанцзинь, основываясь на форме и габаритах ступ и росписях в пещерах, приблизительно датировал их периодом «Юань или чуть позднее» [Тянь, 1981]. Анализ надписей на уйгуро-монгольском, проведенный китайским монгольским ученым по фамилии Хас, показывает, что они были созданы в одно время с росписями, вероятно, в конце Юань – начале Мин. Пояснительные надписи внутри пещеры № 19 (рис. 1)⁵, выполненные уйгуро-монгольским письмом, представляют собой четверостишия, связанные с соответствующими росписями и раскрывающие их содержание. Большая часть этих надписей является переводом

⁵ Рис. 1–4, 1 см. на цветной вклейке.

с тибетского языка буддийских гимнов-восхвалений (санскр. *stotra*, *stuti*; тиб. *bstod pa*), среди которых основными являются “Восхваление архатов”, “Восхваление двадцати одного образа Тары” и “Восхваление четырех царей-хранителей” [Хас, 1990].

Согласно источникам, пещеры Арчжай были известны еще во времена Северной Вэй [Цзи, 2022, с. 11]. Они расположены с востока на запад по плосковершинному холму из коричнево-красного песчаника в горах Арбас на западе Ордоса, в хошуне Оток городского округа Ордос, приблизительно в 130 километрах к северо-западу от административного центра хошуна – поселка Улань и имеют следующие географические координаты: 39°43′ северной широты и 107°10′ восточной долготы (рис. 2). Иными словами, все пещеры комплекса Арчжай высечены в массиве коричнево-красного песчаника. Это роднит Арчжай со многими другими известными пещерными комплексами (например, в Китае – Могао в Дуньхуане), которые насчитывают почти 500 пещер и также созданы в песчаниковых толщах.

Памятник расположен на отдельно стоящей невысокой горе с плоской вершиной, которую называют Сумоту Арчжай (苏默图阿尔寨山). Она возвышается посреди холмистой степи примерно на 40–80 метров, длина комплекса – около 300 метров. Также имеются сведения, что изначально на горе было 108 пещер⁶, в связи с чем они упоминаются как «Стоокая пещера 百眼窑».

Основополагающий вклад в научную систематизацию памятника в 1981 г. внес исследователь Батжаргал (кит. Батуцзижигала), начальник управления по охране памятников культуры хошуна Отог. Он впервые предпринял комплексное описание архитектурного ансамбля. Именно в этой работе, основанной на детальных исследованиях того периода, была предложена и закреплена первая научная нумерация пещер. Впоследствии, с открытием новых объектов в ходе раскопок 1980–2000-х годов, эта система уточнялась и дополнялась, однако именно статья Батжаргала заложила основу для идентификации памятника, введя в оборот ту систему нумерации, которая затем развивалась в работах последователей, включая фундаментальную монографию Батжаргала и Ян Хайин 2005 года [Отог, 2014, с. 79].

ПЕЩЕРА № 10

По предположению Батжаргала, Чингис-хан лечил свои раны в пещере № 10 Арчжай и его войско во время тангутского похода расположилось недалеко от данной пещеры [Батуцзижигала, 2012, с. 301]. В «Сокровенном сказании монголов» говорится: «По пути во время облавы на Арбухайских диких лошадей-хуланов, которые водятся там во множестве, Чингисхан сидел верхом на коричнево-сером коне. При налете хуланов его коричнево-серый поднялся на дыбы, причем государь упал и сильно расшибся. Поэтому сделали остановку в урочище Цоорхат» [Сокровенное сказание, 1990, с. 135]. В связи с этим Батжаргал считает, что упоминаемые горы «Арбуха/Арбухай» – это и есть современный Арбас. Кроме того, слово «Цоорха (*čoyurqad*) / Цоорхат» в переводе с монгольского означает «место со множеством пещер», и поскольку в древности на Монгольском плато пещер было очень мало, то можно соотнести пещеры Арчжай с «местом с множеством пещер», т.е. Цоорха [batuǰiryal, 1990].

Местом лечения Чингис-хана считается пещера № 10, расположенная на юго-восточном склоне. Это связано, по мнению исследователя, с его внешними характеристиками и оформлением. Расположение пещеры на высоте около 70 метров обеспечивало стратегический обзор долины, что было критически важно для командующего даже в состоянии временной недееспособности. Статусность места подчеркивают установленный у входа ри-

⁶ В настоящее время сохранились 43 пещеры.

туальный шест «сульдэ» и рельефная ступа в тангутском стиле. Внутреннее пространство пещеры (ок. 10 м²) и специфические детали в виде двух вертикальных выемок в скальном уступе у входа напоминают подставку для травмированной ноги [Пан, 2006, с. 116–118; Батуцзигигала, 2012, с. 302]. Таким образом, ключевыми аргументами в пользу мнения Батжаргала выступают такие доводы, как созвучие ключевых топонимов (Цоорха, Арбуха/Арбас), наличие в пещере № 10 материальных свидетельств, маркирующих ее сакральный статус (ритуальный шест «сульдэ», рельефная ступа), а также отдельные элементы (выемки в скале), которые в локальной традиции интерпретируются как следы пребывания хана.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что прямых свидетельств, подтверждающих факт лечения Чингис-хана именно в пещерах Арчжай, не существует. Предложенная идентификация базируется на комплексе косвенных данных и реконструкциях, что не позволяет рассматривать ее как окончательно доказанную. Тем не менее совокупность топонимических, ландшафтных и археологических аргументов делает версию Батжаргала о связи Арчжая с событиями 1226–1227 гг. наиболее обоснованной среди альтернативных гипотез и позволяет рассматривать пещеру № 10 как объект, возможно, связанный с событиями последних месяцев жизни основателя Монгольской империи.

РОСПИСЬ В ПЕЩЕРЕ № 28

Композиция на правой стене пещеры № 28 (рис. 3) имеет прямоугольную форму и отличается большим количеством образов и высокой семантической насыщенностью. Ее высота составляет 120 см, ширина – 50 см. В верхней части росписи изображено божество Вайшравана (毗沙门天)⁷, нижняя часть содержит более ста персонажей, отличающихся по иконографическому облику и функциональной принадлежности, которые образуют четыре обособленные группы.

Первая группа включает восемь торжественно восседающих персонажей в монгольских одеждах перед группой почтительно склонившихся подданных. Все они размещены в ряд на высоком белом помосте, что композиционно подчеркивает их иерархический статус. Под помостом представлены три широких низких стола с обильными угощениями в форме горы. Данная иконографическая деталь, вероятно, воспроизводит ритуал монгольских дворцовых пиршеств с использованием целых туш быков или баранов и может быть интерпретирована как символ сакрального пира или жертвоприношения.

В центре картины изображен мужчина крепкого телосложения в четырехугольном головном уборе и парадном монгольском одеянии. Он восседает, скрестив ноги, правая рука приподнята на уровне груди, левая покоится на ноге. Слева от него расположена знатная женщина в монгольском костюме и головном уборе «гу-гу» (固姑冠), поза которой идентична позе центрального персонажа, голова слегка наклонена в его сторону. Справа от центральной фигуры изображены две знатные женщины, также в монгольских одеждах и уборах «гу-гу». Их поза отличается – правая нога подогнута, левая согнута и поставлена вертикально, руки сложены в молитвенном жесте у груди. Слева от центрального персонажа находятся еще четверо молодых мужчин, без головных уборов, в церемониальных одеждах. Все они воспроизводят ту же позу, что и две женщины справа – правая нога подогнута, левая согнута, руки сложены в молитвенном жесте [Цзи, 2022, с. 24–25].

В этой связи следует сказать, что в ордосском мавзолее Чингисхана хранится и почитается схожая по композиции картина, называемая «Генеалогическое древо семьи Чингис-хана» 成吉思汗家族图. Данный рисунок идентичен композиции из пещеры № 28. При сравнении

⁷ Вайшравана, мифологический персонаж индо-буддийской традиции, страж севера, изображается у храмовых и монастырских ворот [Андронов, 2011, с. 266].

«Генеалогического древа семьи Чингис-хана» в пещерном храме Арчжай с изображением в мавзолее Чингис-хана можно обнаружить сходство – ритуальные инструменты и подношения в обоих случаях похожи. Исходя из этого весьма вероятно, что настенная роспись в пещере № 28 в Арчжае также является «Генеалогическим древом семьи Чингис-хана».

Принадлежность восьми центральных персонажей к монгольской знати не вызывает сомнений, однако вопрос об их персональной идентификации остается дискуссионным. Согласно интерпретации Батжаргала, данная группа представляет Чингис-хана, его жену Бортэ, четырех сыновей (Джучи, Чагатай, Угэдэй, Толуй) и двух других жен (Есуган, Хулан) [Батуцзигигала, 2012, с. 306]. Остальные изображенные (придворные, военачальники, женщины) располагаются в позах, выражающих почтение.

Вторая группа включает около двадцати женщин в церемониальных облачениях. Возглавляет группу знатная женщина в головном уборе «гу-гу»; все персонажи расположены с правой стороны от белого помоста стоящими на коленях. По мысли Батжаргала, данная группа может быть идентифицирована как наложницы во главе с младшей женой Чингис-хана – Есуй [Батуцзигигала, 2012, с. 306]. Как отмечает ученый, присутствие Есуй в композиции обусловлено ее особой ролью в последние годы жизни Чингис-хана.

Третья группа насчитывает около двадцати мужчин в церемониальных одеяниях. В композиционном отношении она расположена ниже второй группы и отделена от нее изображением горы. Возглавляет группу фигура в богато орнаментированном облачении, все персонажи изображены склонившимися в поклоне перед восемью центральными фигурами на помосте.

Четвертая группа располагается в левом нижнем углу относительно помоста и включает около двадцати мужчин в богато орнаментированных одеяниях. Персонажи изображены стоящими на коленях либо сидящими со скрещенными ногами, руки сложены в молитвенном жесте, что в совокупности с их позами выражает акт почитания центральных фигур на помосте.

По мнению Батжаргала, данная группа по своему местоположению в композиции и атрибутам костюма принадлежит к высшей военно-феодалской знати [Батуцзигигала, 2012, с. 306]. Ученый допускает возможность отождествления этих персонажей с «четырьмя выдающимися» сподвижниками Чингис-хана – Мухали, Боорчу, Борохул и Чилаун.

Китайский ученый Ли Юймэн в своей работе сделала вывод о том, что «исходя из деталей изображения и в контексте исторического развития, можно заключить, что время создания картин в пещерах № 28 и 31 приходится на период с конца XVI века по первую половину XVII века. Эти настенные росписи со светскими персонажами отражают политические потребности и национальный дух монгольского общества того времени» [Ли, 2016].

Таким образом, интерпретация многофигурной композиции из пещеры № 28 все еще остается открытой для научной дискуссии. Гипотеза Батжаргала, отождествляющая центральных персонажей с Чингис-ханом и его семьей, представляет собой одну из возможных версий, однако при этом не может рассматриваться как окончательно доказанная. Другим важным свидетельством связи Арчжая с монгольской имперской традицией является ритуальное окружение вокруг горы. Тринадцать жертвенников-*обоо*, расположенных полукругом с восточной, западной и южной сторон, включают объекты поклонения, непосредственно связанные с культом Чингис-хана и его ближайшего окружения (боевые знамена-*сульдэ*, боевые кони, сыновья и братья хана, Вечное Синее Небо). Формирование этого ритуального ландшафта, по-видимому, относится к юаньскому периоду и закрепляет за Арчжаем статус важного мемориально-культового комплекса, значимого для исторической памяти монгольских народов.

РОСПИСЬ В ПЕЩЕРЕ № 31

Атрибуция изображения в пещере № 31 вызывает дискуссию в исследовательской литературе. В ряде работ оно определяется как «Изображение монгольского погребального обряда» [Пан, 2006, с. 118], а в популярном издании «Туризм в хошуне Оток» оно фигурирует под названием «Погребение монгольского императора». Наиболее развернутую интерпретацию предлагает Батжаргал [Батуцзижигала, 2005, с. 80–83; 2012, с. 303–304]. На основе визуального анализа он идентифицирует центрального персонажа как Чингис-хана.

Пещера № 31 имеет близкую к квадрату форму, размеры – примерно 4 метра с востока на запад и с севера на юг. Сохранность настенных росписей здесь лучше, чем в пещере № 28. На всех стенах сохранилась цветная живопись, отдельные части потускнели, но это не мешает идентификации изображений. На левой стороне западной стены пещеры изображено буддийское божество Хаягрива (монг. Дамдин, *кит.* Матоу минван 马头明王), однако он остался лишь в наброске и не был раскрашен [Ли, 2016, с. 85].

На правой стороне находится композиция «Колесо Сансары (кит. людао луньхуэй ту 六道轮回图) в прямоугольном обрамлении. В целом композиция разделена на семь уровней или рядов. В центре каждого из пяти верхних рядов изображено божество-бодхисаттва Жанрайсиг (*санскр.* Авалокитешвара, кит. Гуаньинь, в тибетской буддийской традиции – Ченрези), выступающее в роли главного божества. В первом, самом верхнем ряду изображены горные пики, облака, дворцы и другие элементы пейзажа. Во втором ряду показаны равнины и холмы, струящиеся облака, бегущие выючные воы, противостоящие друг другу войска, сцены ожесточенных боев и т. д. В третьем ряду – две монгольские юрты, храмы, дворцы, деревянный гроб, фигуры людей в монгольских одеждах, белые журавли и т. д. В четвертом ряду – несколько белых лошадей, несколько двугорбых верблюдов и т. д. В пятом ряду – горные гряды, дома, домашний скот и прочее. В шестом и седьмом рядах – Восемь великих адов (*кит.* ба да диюй 八大地狱) (рис. 4).

Из всех настенных рисунков особый интерес представляет композиция, напоминающая похоронный обряд. За предполагаемым гробом Чингис-хана изображены три фигуры. Мужчина слева одет в парадное одеяние, в халате с узкими рукавами, на голове – шлемовидная круглая шапка. Фигуры, изображенные справа от него, с большой долей вероятности могут быть интерпретированы как два монаха (рис. 4, 1). Как отмечает Батжаргал, это принц Толуй⁸, сопровождавший Чингис-хана в походе на Западное Ся, и монахи, молящиеся за Чингис-хана [Батуцзижигала, 2012, с. 304]. Гроб имеет широкий верх и узкий низ, сделан из расколотого пополам бревна, на дереве четко видны годовые кольца, а посередине гроба нарисованы три обруча. За тремя фигурами изображена квадратная могильная яма, в которой лежит тело; четыре белых журавля клювами поднимают тело. Справа от могильной ямы стоит монах на коленях, читающий молитвы для упокоения души умершего [Батуцзижигала, 2012, с. 304]. Центральный элемент – деревянный гроб-колода, стянутый тремя обручами. Данный изобразительный ряд обнаруживает полное соответствие описанию в сочинении «Цао му цзы» у Е Цзыци (XIV в.):⁹ «Берут два бревна, выдалбливают углубления по форме человеческого тела... и скрепляют тремя золотыми обручами» [Е Цзыци, 1959, цзюань 3]. То, что изображено на картине, полностью соответствует этому описанию.

⁸ Четвертый сын Чингис-хана, монгольский военачальник.

⁹ Е Цзыци 叶子奇 (1327–1390) – минский ученый, является автором натурфилософского труда «Цао му цзы 草木子», в котором среди прочих сведений содержатся важные записи об антимонгольском восстании Красных повязок конца Юань.

В верхней части четвертого ряда, по центру, изображено божество, ниже располагаются горы, реки, степи, а также белая лошадь, гнедой конь и несколько верблюдов. С точки зрения Батжаргала, эта сцена вполне соответствует описанию, приведенному в «Сокровенном сказании монголов», где рассказывается, как Чингис-хан, охотясь на диких лошадей в местности Арбас, получил травму [Батуцзижигала, 2012, с. 304].

Третий ряд показывает, как после смерти Чингис-хана скорбят его жены и дети, монахи совершают погребальные обряды, а душа возносится на небеса. Второй же ряд символизирует захоронение тела Чингисхана [Батуцзижигала, 2012, с. 305].

Согласно записям южносунских авторов Пэн Дая и Сюй Тина в их труде «Хэй-да ши-люэ» (黑鞑事略) («Краткие сведения о черных татарах» 1237), про обычаи погребения монгольских ханов говорится следующее: «Могила не имеет курганов, их вытаптывают лошадьми, делая ровными, как земля. Например, могила отмечена воткнутыми стрелами, образующими ограду (протяженностью более 30 ли), и патрулируется конными стражами» [Хэй-да ши-люэ, 296; Мункуев, 2019, с. 73]. В «Цао му цзы» также говорится о том, что у монголов «по обычаям не возводят могильных насыпей» [Е Цзыци, 1959, цзюань 3].

То, что изображено во втором ряду картины, можно с большой долей уверенности идентифицировать как сцены «вытаптывания лошадьми», «охраны конными патрулями» и «выравнивания десятками тысяч лошадей». Справа представлена сцена выравнивания могильного холма. Четыре белых журавля поднимают тело, что может символизировать вознесение души, а всадники на лошадях иллюстрируют практику «затаптывания» места захоронения, описанную у Пэн Дая и Сюй Тина [«Хэй Да ши люэ»]. В настоящее время в археологии не найдено ни одного подобного погребения.

Таким образом, роспись пещеры № 31 представляет собой ценный визуальный источник, не имеющий прямых аналогий в монгольском искусстве XIII–XIV вв. Ее научная ценность заключается в визуализации тех аспектов погребальной обрядности монгольской элиты, которые письменные источники фиксируют лишь фрагментарно. Композиционное построение росписи обнаруживает последовательное соответствие трем ключевым элементам погребального ритуала, реконструируемым по нарративным источникам: 1) сцены охоты и ранения, коррелирующие с эпизодом из «Сокровенного сказания монголов»; 2) изображение деревянного гроба-колоды с тремя обручами, практически текстуально совпадающее с описанием минского автора Е Цзыци в трактате «Цао му цзы»; 3) сцены «вытаптывания» могильного холма лошадьми и конной охраны периметра, иллюстрирующие свидетельства Пэн Дая и Сюй Тина из «Хэй-да ши-люэ». Символический ряд росписи (журавли, поднимающие тело; фигуры монахов; скорбящая женщина во дворце) указывает на синтез степных шаманистских погребальных традиций с буддийской ритуальной практикой, что отражает ранний этап сакрализации образа Чингис-хана. Наиболее развернутую интерпретацию сюжета предложил Батжаргал, связавший весь иконографический нарратив с событиями 1226–1227 гг. – ранением, смертью и погребением Чингис-хана. При этом следует сказать, что при всей привлекательности данной гипотезы прямых доказательств именно такой идентификации персонажей не существует, и она остается одной из возможных версий, требующей дальнейшей верификации. Независимо от решения вопроса об атрибуции, роспись пещеры № 31 является важным источником по истории материальной культуры, религиозных представлений и погребальной обрядности Монгольской империи XIII в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный краткий историографический анализ объекта исследования позволяет рассматривать пещерный комплекс Арчжай как один из важнейших мемориально-ритуальных

памятников духовной и материальной культуры Монголии, связанных с финальным этапом жизни и ранним посмертным культом Чингис-хана. Топонимическая и ландшафтная реконструкция дает определенные основания отождествить Арчжай с местностью «Цоорхат» из «Сокровенного сказания монголов», где хан находился после полученной травмы, при этом пещера № 10 благодаря локальной традиции почитания может рассматриваться как потенциальное место его временного пребывания. Многофигурная композиция в пещере № 28, вероятно, фиксирует не сцену жертвоприношения, а церемонию прижизненного оказания почестей Чингис-хану и его семье, отражая процесс сакрализации имперской власти. Роспись пещеры № 31 представляет собой уникальный изобразительный источник, визуализирующий погребальную обрядность монгольской элиты XIII в. и обнаруживающий практически текстуальное соответствие описаниям тайных захоронений в «Хэй-да ши-люэ» и «Цао му цзы». Таким образом, значение Арчжая заключается в сохранении уникальных материальных свидетельств эволюции от исторического события к его мифологизации в синтезе степных традиций и буддийской иконографии.

Роспись фиксирует важный этап длительной эволюции культа Чингис-хана в монгольской политической культуре. Это не просто иллюстрация похорон, а визуализация процесса сакрализации: историческое тело Чингис-хана скрывается в земле (по обычаю), но его сакральная сущность (сульдэ) материализуется вселяется в знамя (монг. *туг*). Можно сказать, что эта роспись является ранним примером того, как буддийская традиция начинает «присваивать» и переосмысливать образ основателя империи.

Вслед за китайским ученым Батжаргалом можно с осторожностью предположить, что комплекс топонимических, ландшафтных и археологических данных позволяет с определенной степенью вероятности отождествить пещеры Арчжай с урочищем Цоорхат, упомянутым в «Сокровенном сказании монголов» как место остановки Чингис-хана после полученной им травмы.

Таким образом, значение Арчжая колоссально. Это единственный известный на сегодняшний день материальный комплекс, где мы можем наблюдать в динамике процесс превращения исторического персонажа в сакральный символ, а исторического события – в мифологему, лежащую в основе национальной и религиозной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Андросов В.П. *Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь: монография*. М.: Ориенталия, 2011 [Androsov V.P. *Indo-Tibetan Buddhism: An Encyclopedic Dictionary. A Monograph*. Moscow: Orientalia, 2011 (in Russian)].

Батужиргал (Batujiryal). Монголын нууц товчон дахи арбуха и цоорхатын тухай шинжилгэ (Вопрос о терминах арбуха и цоорхат в сокровенном сказании монголов. (Mongyol-un niyuča tobčīyan daki “Arbuq-a” ba “čoyurqad”-un tuqai sinjilege). *öbür mongyol-un neyigem-ün sinjilekü uqayan*. 1990. № 4. С. 40–91 [Batujiryal. The Question of the Terms Arbukha and Tsookhrat in The Secret History of the Mongols. 1990. № 4. Pp. 40–91. (in Mongolian)].

Батуцзигигала (巴图吉日嘎拉) Чэнцзисыхань юй Аэрчжай шияо (成吉思汗与阿尔寨石窟). (Чингис-хан и пещера Арчжай). Ээрдосы моши яныцзю юй таньсо 鄂尔多斯模式研究与探索. 2012. С. 301–310 [Batujirigala. Chinggis Khan and the Arzhai Cave. *eerduosi moshi yanjiu yu tansuo*. 2012. Pp. 301–310 (in Chinese)].

Батуцзигигала (巴图吉日嘎拉), Ян Хайин (杨海英). Аэрчжай шику – Чэнцзисыхань дэ фоцзю цзиняньтан синшуай ши (阿尔寨石窟–成吉思汗的佛教纪念堂兴衰史). (Пещера Арчжай – история расцвета и упадка буддийского храма Чингис-хана). Дунцзин: Фэнсяншэ, 2005. [Batujirigala, Yanghaiying. *The Arzhai Cave: A History of the Rise and Decline of the Buddhist Temple of Chinggis Khan*. Dongjing: gengxianshe, 2005 (in Chinese)].

Е Цзыци (叶子奇). Цао Му Цзы (草木子). («Мастер [измеряющий дни] травинками и [годы] деревянными щепками»). Изд. Чжунхуа шуцзюй, 1959 [Ye Ziqi. *Caozimu* (“The Master [Who Measures

Days] by Straws and [Years] by Wooden Chips” [Cao mu zi]) Zhonghua shujuan, 1959 (in Chinese)] <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=923263&remap=gb> (accessed: 15.12.2025).

Ли Юймэн (李雨濛). Нэймэнгу Аэрчжай шику ди эршиба, санышии ку шижэнь жэньу бихуа яньцзю (内蒙古阿尔寨石窟第 28、31 窟世俗人物壁画研究). (Исследование светских персонажей на рисунках 28 и 31 пещер Арчжай во Внутренней Монголии). Хух-хото: Нэймэнгу шихуэй кэсюэ, 2016. № 37. С. 84–89 [Li Yumeng. *A Study of the Secular Figures in the Murals of Caves 28 and 31 at the Arzhai Caves in Inner Mongolia*. Huhehaote: Neimenggu shehuikexue, 2016. Pp. 84–89 (in Chinese)].

Мункуев Н.Ц. *Источники по истории Монгольской империи («Хэй-да ши-люе», главы 98 и 99 «Юань ши»): перевод и исследование*. Отв. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019 [Munkuev N.T. *Sources on the History of the Mongol Empire (Hei-da shi-lüe, Chapters 98 and 99 of the Yuan Shi): Translation and Research*. B.V. Bazarov (ed.) Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2019 (in Russian)].

Пан Чжаодун (潘照东). Чэньцисыхань юй Аэрчжай шику (成吉思汗与阿尔寨石窟). (Чингис-хан и пещера Арчжай). 2006. С. 116–126. [Pan Zhaodong. *Chengjisihan yu aerzhai shiku. The “Hundred-Eyed Cave” (Baiyan Yao) Complex*. 2006. Pp. 116–126 (in Chinese)].

Сокровенное сказание монголов. Перевод С.А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1990 [The Secret History of the Mongols. S.A. Kozin (tr.) Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo, 1990 (in Russian)].

Тянь Гуанцзинь (田广金). Байяньяо шику 百眼窑石窟 (Комплекс «Стоокая пещера»). Их-Джуу Икэчжаомэн сэньу гунцзочжань, 1981 [Tian Guangjin. *The “Hundred-Eyed Cave”*. Yikezhao meng wenwu gongzuozhan, 1981 (in Chinese)].

Хас Ээрдунь (哈斯额尔敦), Гажиди (嘎日迪). Аэрчжай шику хуэйху мэньгуэнь банти гайшу (阿尔寨石窟回鹘蒙古文榜题概述). (Обзор стамонгольских надписей (уйгурским письмом) в пещерных храмах Арчжай). Хух-хото: Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань, 1990 [Hasieerdun, Garidi. *An Overview of the Old Mongolian Inscriptions (in Uighur Script) in the Arzhai Cave Temples*. Huhehaote: Zhexue shehui kexueban, 1990 (in Chinese)].

Цзи Бухуа (吉布华). Аэрчжай шику би «Чэньцисыхань цзяцзу ту» яньцзю (阿尔寨石窟壁«成吉思汗家族图»研究). (Исследование рисунков «Изображение семьи Чингис-хана» в пещере Арчжай). Хух-хото: Нэймэнгу Шифань дасюэ, 2022. [Ji Buhua. *A Study of the Murals “Portrait of the Family of Chinggis Khan” in the Arzhai Cave*. Huhehaote: Neimenggu shifan daxue, 2022 (in Chinese)].

Цыренова Н.Д., Цыренов Ч.Ц. Ордосский мавзолей Чингис-хана: история и современность. *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2024. Т. 16. № 2. С. 312–326. [Tsyrenova N.D., Tsyrenov Ch.Ts. *Ordos Mausoleum of Genghis Khan: History and Modernity. Mongolian Studies*. 2024. Vol. 16. No. 2. Pp. 312–326 (in Russian)].

Цыренова Н.Д., Цыренов Ч.Ц. Город Хулунбуир и парк-площадь Чингис-хана: архитектура, символизм и политика памяти. *Монголоведение (Монгол судлал)*. 2025. Т. 17. № 4. С. 678–690 [Tsyrenova N.D., Tsyrenov Ch.Cz. *Hulunbuir City and Genghis Khan Park-Square: Architecture, Symbolism, and Politics of Memory. Mongolian Studies*. 2025. Vol. 17. No. 4. Pp. 678–690 (in Russian)].

Этокэ ци лючжу Цэньцыхань дэ бэйин (鄂托克旗 留住成吉思汗的背影). (Отмог хошун. Сохраняя образ Чингис-хана). Чжунго Гоцзя Люйю, 2014. С. 76–83. [etuo ke qi liuzhu chengjisihan de beiying. (Otog Banner: Preserving the Image of Chinggis Khan). Zhongguo guojia lvyou, 2014. Pp. 76–83 (in Chinese)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЦЫРЕНОВА Номинь Дондоковна – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии РАН, Улан-Удэ, Россия.

ЦЫРЕНОВ Чингис Цыбыкдоржиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии РАН, Улан-Удэ, Россия.

Nomin D. TSYRENOVA, PhD (History), Junior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Chingis Ts. TSYRENOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia.

Иллюстрации к статье Н.Д. Цыреновой и Ч.Ц. Цыренова

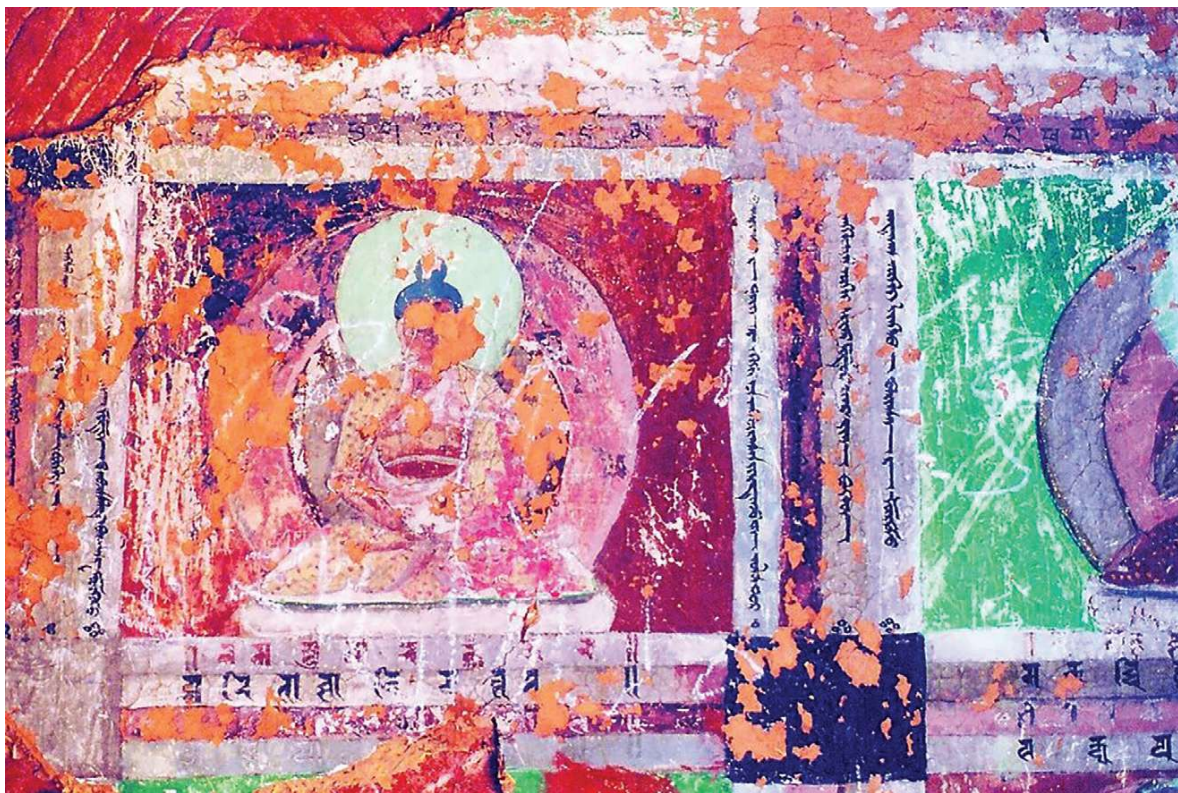

Рис. 1. Фрагмент картины в пещере № 19
Fig. 1. Fragment of the painting in Cave No. 19

Рис. 2. Пещера Арчжай
Fig. 2. Arzhai Cave

Рис. 3. Фрагмент картины в пещере № 28
Fig. 3. Fragment of the painting in Cave No. 28

Рис. 4. Фрагмент картины в пещере № 31
Fig. 4. Fragment of the painting in Cave No. 31

Рис. 4.1. Сцена с гробом на фрагменте картины в пещере № 31 крупным планом
Fig. 4.1. Close-up of a scene with a coffin on a fragment of the painting in Cave No. 31